

Пословицы о семье

По сборнику Владимира
Даля «Пословицы
русского народа» под
редакцией А. Соколова

Андрей Соколов

**Пословицы о семье. По
сборнику Владимира Даля
«Пословицы русского народа»
под редакцией А. Соколова**

«Издательские решения»

Соколов А.

Пословицы о семье. По сборнику Владимира Даля «Пословицы русского народа» под редакцией А. Соколова / А. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850997-1

Перед Вами сборник русских пословиц о семье XIX века. В них знание, опыт тех людей, которые умели создавать и сохранять на протяжении всей своей жизни крепкие счастливые семьи. Теперь, благодаря пословице, это знание и этот опыт могут стать Вашими и Ваших близких. «Пословицы о Семье» — отличный подарок как людям семейным, так и готовящимся создать семью. Незаменимая настольная книга ждет своего читателя — того, кому не безразлично слово «СЕМЬЯ».

ISBN 978-5-44-850997-1

© Соколов А.

© Издательские решения

Содержание

От составителей	6
Напутное	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Пословицы о семье
По сборнику Владимира Даля
«Пословицы русского народа»
под редакцией А. Соколова**

Редактор Андрей Соколов

ISBN 978-5-4485-0997-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителей

В это издание вошли пословицы о семье из сборника «Пословицы Русского Народа» В. И. Даля, – по праву считающегося самым полным и объемным собранием русских пословиц. При составлении нашего сборника мы постарались сохранить дух непредвзятости и уважения к пословице, которым пронизан труд этого великого собирателя народной мудрости.

Наш сборник отражает образ семьи XIX века в русской пословице, раскрывает знание, опыт тех людей, которые умели создавать и сохранять на протяжении всей своей жизни крепкие счастливые семьи.

Сборник составлялся по изданию 2006 г: «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА. СБОРНИК В. ДАЛЯ В ТРЕХ ТОМАХ.» Издательство «4 КРАСКИ», 2006. – и 1879 года: «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.» Владимира Даля. Издание книгопродавца-типографа М.С.Вольфа, 1879.

При расхождении в наличии и расположении пословиц, а также в пунктуации и расстановке заглавных букв за основу бралось издание 1879 года, в правописании – издание 2006 года.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, которым не безразлично слово «СЕМЬЯ».

Напутное

*(Вступительное слово Владимира Ивановича Даля к сборнику
«Пословицы Русского Народа»)*

«Будет ли, не будет ли когда напечатан сборник этот, с которым собиратель пестовался век свой, но, расставаясь с ним как бы с делом конченным, не хочется покинуть его без напутного словечка». Вступление это написано в 1853 году, когда окончена была разборка пословиц; пусть же оно остается и ныне, когда судьба сборника решилась и он напечатан.

По заведенному порядку, следовало бы пуститься в розыск: что такое пословица; откуда она взялась и к чему пригодна; когда и какие издания пословиц у нас выходили; каковы они; какими источниками пользовался нынешний собиратель. Ученые ссылки могли бы подкрасить дело; потому что, кажется, уже Аристотель дал определение пословицы.

Но всего этого здесь найдется разве только весьма понемногу. Ученые определения ныне мало в ходу, век школярства прошел, хотя мы все еще не можем стряхнуть с себя лохмотьев степенной хламиды его.

Времена, когда объясняли во введении пользу науки или знания, коему книга посвящалась, также миновали; ныне верят тому, что всякий добросовестный труд полезен, и что пользе этой рассказами не подпоришь.

Ученые розыски, старина, сравнения с другими славянскими наречиями – все это не по силам собирателю.

Разбор и оценка других изданий должны бы кончиться прямым или косвенным скромным признанием, что наше всех лучше.

Источниками же или запасом для сборника служили: два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и – главнейше – живой русский язык, а более речь народа.

Ни в какую старину я не вдавался, древних рукописей не разбирал, а вошедшая в этот сборник старина попала туда из печатных же сборников. Одну только старую рукопись я просматривал и взял из нее то, что могло бы и ныне идти за пословицу или поговорку; эта рукопись была подарена мне гр. Дм. Ник. Толстым, мною отдана М. П. Погодину, а оттуда она целиком напечатана, в виде прибавления, при сборнике пословиц И. М. Снегирева.

При сем случае я должен сказать душевное спасибо всем доброхотным дателям, помощникам и пособникам; называть никого не смею, боясь, по запоминанию, слишком многих пропустить, но не могу не назвать с признательностью гр. Дм. Ник. Толстого, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева.

Когда сборник последнего вышел, то мой был уже отчасти подобран: я сличил его издание со сборником Княжевича и попользовался тем, чего не было там и не нашлось у меня и что притом, по крайнему разумению моему, можно и должно было принять.

В собрании Княжевича (1822 г.) всего 5300 (с десятками) пословиц; к ним прибавлено И. М. Снегиревым до 4000; из всего этого числа мною устранено вовсе или не принято в том виде, как они напечатаны, до 3500; вообще же из книг или печати взято мною едва ли более 6000; или около пятой доли моего сборника. Остальные взяты из частных записок и собраны по наслуху, в устной беседе.

При этом сличении и выборе не раз нападали на меня робость и сомнение. Что ни говорите, а в браковке этой произвола не миновать, а упрека в ней и подавно. Нельзя перепечатывать слепо всего того, что, под названием пословиц, было напечатано; искажения, то умничаньем, то от недоразумений, то просто описками и опечатками, не в меру безобразны. В иных случаях ошибки эти явны, и если такая пословица доставалась мне в подлинном виде своем,

то поправка или выбор не затрудняли; но беда та, что я не мог ограничиться этими случаями, а должен был решиться на что-нибудь и относительно тех тысяч пословиц, для исправления коих у меня не было верных данных, а выкинуть их вон – не значило бы исправить.

Не поняв пословицы, как это нередко случается, считаешь ее бессмыслицею, полагаешь, что она придумана кем-либо для шуток или искажена неисправимо, и не решаешься принять ее; ан дело право, только смотри прямо. После нескольких подобных случаев или открытий поневоле оробеешь, подумаешь: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не цветник, а сборник» и начинаешь опять собирать и размещать все сподряд; пусть будет лишнее, пусть рассудят и разберут другие; но тогда вдруг натыкаешься. на строчки. вроде следующих:

Всем известно, что лукавые живут лестно.

В суетах прошла година, завсегда была кручина.

Где любовь нелицемерная, там надежда верная.

Роскошные и скупые меры, довольства не знают.

Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ недалече.

Прежде смерти не должно умирать и пр. и пр.

Что прикажете делать с подобными изречениями кондитерской премудрости двадцатых годов? Выкинуть; но их-то и нашлось под другую тысячу, да столько же, сомнительных, с коими не знаешь, как и быть, чтобы не обвинили в произволе. Посему-то, по затруднительности такой браковки, а, частью и просмотром; – всякого греха не упасешься – и в этот сборник вошло много пустых, искаженных и сомнительных пословиц.

Относительно приличия при браковке пословиц я держался правила: все, что можно читать. вслух в обществе не извращенном чопорностию, ни излишнею догадливостию, а потому и обидчивостию – все это принимать в свой сборник. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно где и встретилось в народных поговорках, не должно пугать нас: мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все; что есть. Заметим, впрочем, что резкость или яркость и прямота выражений, в образах для нас непривычных, не всегда заключают в себе видимое нами в этом неприличие. Если мужик скажет: «Что тому богу: молиться, который не милует»; или: «Просил святого: пришло до слова просить клятого», – то в этом нет кощунства, потому что здесь богами и святыми, для усиления понятия, названы люди, поставленные ради святой, Божеской правды; но творящие противное, заставляя обиженного и «угнетенного искать защиты также путем неправды и подкупа. Самая пословица, поражая нас сближением таких противоположностей, олицетворяет только крайность и невыносимость извращенного состояния, породившего подобное изречение.

Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадают слабые, искаленные отголоски их, переложенные, на наши нравы или. испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче, рубаху и подоплеку? А если заметить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намек весь выходит наружу.

Как достояние общенародное, как всемирный гражданин, просвещение и образованность проходят путь свой на глаз, с уровнем в руках, срывая кочки и бугры, заравнивая ямки и выбоины, и приводят все под одно полотно. У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое,

какое есть – сделалось гонителем всего родного и народного. Как в недавнее время еще первым признаком притязания на просвещение было бритье бороды, так вообще избегалась и прямая русская речь и все, что к ней относится. Со времен Ломоносова, с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка. Только в последнее время стали догадываться, что нас леший обошел, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдем неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой – бездарность опошляла то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. С одну сторону черемиса, а с другую берегися. Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой; и в косности его есть, и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды – для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчетно всосал с материнским молоком и что звучит в мало натруженной голове его складной речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлет, а в научном круге получает особое, условное значение. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти.

Нисходя к просторечию, позволяя себе иногда высказаться пословицей, мы говорим: «Десять раз примерь, один раз отрежь». Мы не придумали этого изречения, а, взяв его в народе, только немного исказили; народ говорит правильнее и краше: «Десятью примерь или, прикинь, одна отрежь». В Питере и табличку умножения учат: два раза три, пять раз шесть; в школах наших твердят: дважды три; а народ говорит: двою трою или два на пять, три на шесть и пр. Поучение: нерассудительный, опрометчивый труд часто бывает бесполезен – никогда не выскажется у нас под пером пословицей: «Крой; да песни пой; станешь шить, наплачешься»; или: «Шей да пори, не будет глухой поры». Можно ли складнее, ярче и короче выразить глубокую мысль, чем в пословице: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь»; эта пословица наша досталась, не знаю каким путем; французу Laroche-foucauld; в ловком переводе она пошла у него за свою и приводится в пример его ума и красноречия: «Le soleil ni la mort ne peuvent se regarder fixement» (Maximes).

Мы, в своем быту, придумываем только пословицы вроде таких: «Козырка не портит; не с чего ходить, так с бубен; нечем бить, так кулаком»; да иногда переводим: «лебединую песню спеть; между ними черная кошка пробежала; и в солнце есть пятна; пятое колесо; в углу палка стоит, оттого на дворе дождь» и пр. Нравятся ли вам эти поговорки и эти переводы?

Но мы не только сами не сочиним ни одной замечательной пословицы, а мы даже, как оказывается, плоховато понимаем готовые. Это не раз ставило меня в тупик. Насколько нужно и должно объяснять и толковать пословицы? Непонятная, недоступная слушателю пословица – это соль, которая обуяла и не солит; куда ее девать? А толковать остроту или намек, который читатель и сам понимает, – пошло и приторно; толкования эти и места много займут, а книга выходит объемиста, тесно и без них. Многие объяснения потребовали бы и ученых справок,

а на это нужно и знание, и источники, и время, – словом, это отдельный и немаловажный труд. Самые читатели, как бы мало их ни нашлось, также не одинаковы, у всякого могут быть свои требования – не солнце, на всех не угреешь.

Я ставил, и то уже во время sprawy печати, самое короткое толкование, указание, где мог полагать, что это нужно для многих. Недавно еще мы видели тому примеры, как странно и превратно иногда понимаются и толкуются, даже осуждаются, наши пословицы: «От навалу люди разживаются» растолковано было «от насильственной навязки кому товара»; а «Не выноси сору из избы» – объявлена бессмыслицею, потому что нельзя же, хоть изредка, не выметать сору, и хороша-де будет изба, коли из нее никогда сору не выносить. Но навал понимается здесь в значении навала покупателей, а не товара; коли толпа, народ валит валом – разживаются от бойкого сбыту, почему и бойкое, торное местокупцу дорого, а насиженное на бою, куда забойщики валят по привычке, вдвое дороже. Не выноси сору, как и всякая иная неискаженная пословица, в которой заключается притча, пряма и права; в прямом и переносном смысле: дело право, только гляди прямо. В переносном: не носи домашних счетов в люди, не сплетничай, не баламуть; семейные дразги разберутся дома; коли не под одним тулупом, так под одной крышей. В прямом: у крестьян сор никогда не выносится и не выметается на улицу: это, через полуаршинные пороги, хлопотно, да притом сор стало бы разносить ветром и недобрый человек мог бы по сору, как по следу, или по следку, наслать порчу. Сор сметается в кучку, под лавку, в печной или стряпной угол; а когда затапливают печь, то его сжигают. Когда свадебные гости, испытывая терпение невесты, заставляют ее мести избу и сорят вслед за нею, а она все опять подметает, то они приговаривают: «Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку да клади в печь, чтоб дымом вынесло».

«Нужда научит калачи есть», как притча, истолкована была верно: нужда заставит работать, промышлять. «Голь мудрена, нужда на выдумки торовата» – она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведет до того, что будет и пшеничный. Но есть тут и прямой смысл: нужда домашняя заставит идти на заработки. «Промеж сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне»; куда? Первое дело на Волгу, в бурлаки; это и поныне еще статья, а до пароходства это был коренной, и притом разгульный, промысел десяти губерний; на Волге же, миновав Самару, приходишь на калач (булка, пирог, калач, пшеничный хлеб). Верховым бурлакам это в диковину, и они-то, отцы и деды нынешних, сложили эту пословицу.

По затейливости и обороту речи на эту походит и другая; «Ешь пироги, а хлеб вперед береги»; казалось бы, надо сказать: «Ешь хлеб, а пироги вперед береги»; но пословица выражает иное; живи привольно, коли можется, ешь и пироги, да с расчетом: ешь их так, чтобы хлеба не заест. «Брюхо – злодей, старого добра не помнит»; «Веди денежку про белый (каждый) день, денежку про красный день (праздник) да денежку про черный день (про запас, на беду)».

«Неволя вниз идет, кабала вверх»; тут речь все о той же матушке Волге, и о бурлачестве, с которым связана кабала, потому что задатки взяты вперед, усланы домой в оброк, а остатки пропиты. Неволя, то есть, нужда, идет вниз, по воде, искать работы; вверх, против воды, идет или тянет лямкою кабала. В прямом смысле: холоп или раб (неволя), ждет лучшего, потому что худшего ему нет, ждет милости и доверия за верную службу свою: это у него впереди; кабальный же все более путается, должает, наедает и набирает на себя новую кабалу, срок за сроком; кабала подымается, все усиливается и в старину нередко также кончалась холопством.

Но из этих немногих примеров видно, что такие объяснения, если бы собирателя и достало на них, потребовали бы несколько годов времени и еще ста листов печати.

Заметим, однако, при сем случае, что толковать и объяснять пословицы надо крайне осмотрительно, чтобы не обратить этого дела в свою игрушку. Особенно опасно искать ученым взглядом того, чего бы найти хотелось. Применение пословиц к событиям, даже к личностям, по тезоименитству, к древним обычаям, к сомнительному баснословию идолопоклонства и пр.

оказывается во многих случаях, натяжкою воображения. Думаю, например, что относить поговорки: «Лиса Патрикеевна», «Патрикей сам третей» – к литовскому князю Патрикию, а «Едет Ананьин внук из Великих Лук» – к новгородскому посаднику Ананью – ни на чем не основанный произвол; думаю даже, что «Враг силен, валяет и в синем» не касается синей молнии и перуна, а просто намекает на синий кафтан как на признак достатка, богатства; лукавый-де расставляет сети свои на всякого, попадает и синь кафтан. «Обреченная скотина – не животно» также, едва ли говорится у нас со времен идольских и не относится до обречения ее на жертву богам, чему в народе нигде не осталось памяти; обреченная скотина та, которая судьбою обречена на смерть, не живучая, не долговечная; это – обычное утешение и беззаботности, и упрямства, и беспомощности в беде; захилела скотина – покинь ее на волю Божию; коли ей жить, то будет жива, а коли, обречено, то она не животно, не живот, не добро, не имущество тебе. Стараясь объяснять темные пословицы и применять их к тому быту, который на сей раз у нас перед глазами, мы иногда далеко сягаем и мудрим, где ларчик открывается просто, без потайки. К этому надо прибавить, что у великорусов, противно малорусам, бытописательной памяти нет; у них все ограничено насущным и духовным; старина остается в памяти и передается, поколику она касается житейского быта; с этого для русского прямой переход к мыслям и беседам о вечности, о Боге и небесах, всем прочим он, без стороннего влияния, не займется, разве только по особому поводу.

Итак, признавая пословицу и поговорку за ходячую монету, очевидно, что надо идти по ним туда, где они ходят; и этого убеждения я держался в течение десятков лет, записывая все, что удавалось перехватить на лету в устной беседе. Что собрано было наперед меня, из того же источника, то я старался включить, но маловато рылся в книгах и, вероятно, много опустил. Так, например, я даже не справлялся с небольшим, но весьма добросовестно обработанным сборником Буслаева (Архив Калачева, 1854г.), который впервые увидел в Москве в апреле 1860 года, когда уже половина моего сборника была напечатана. Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники и, для полноты, перешли и в мой. Есть у меня и переводные – что замечено было в виде упрека, – но я их не переводил, а принял, потому что они говорят; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из Св. писания, и они даже большей частью переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорят; есть пошлые, суеверные, кощунные, лжемудрые, изуверные, вздорные, но я их не сочинял; моя задача была: собрать в возможной полноте все то, что есть и каково оно есть, как запас для дальнейшей разработки и для каких кому угодно выводов и заключений. Скажут: тут много лишнего хламу; правда, но того, что выкинуто, никто не видит, а где мерило на эту браковку и как поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Из просторного убавить можно; набрать из сборника цветник, по своему вкусу, немудрено; а что пропустишь, то воротить труднее. Окоротишь – не воротишь. Притом у меня в виду был язык; один оборот речи, одно слово, с первого взгляда не всякому заметное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку.

Укор самый обычный, и притом самый легкий, бывает тот, что-де пословица эта неверно записана, она говорится не так, а этак. Бесспорно, есть случаи, где такое замечание право и заслуживает спасибо; но ведь каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу; надо ж было выбрать один, два, много три разноречия, а всех не соберешь, да и надоешь ими до скуки.

Где только я мог верно добраться до коренного оборота и указать на искажения, там я это делал, хотя в самых кратких заметках. Вот примеры: «Не до обедни, коли много бредни»; здесь

бредни попало по недоразумению, вместо обрядни, слова северного, которое произносится там: обредни, и значит бабий обиход в доме, стряпня, хозяйство у печи; это видно из дружки этой пословицы: «Либо к обедне ходить, либо обрядню водить». Другая: «Нам не гоже, вот тебе Боже»; эта, по-видимому, подтверждается другою: «Что дьякону не мило, то попу в кадило»; но первая вышла с юга, она малорусская, не понята у нас и потому искажена: «Нам не гоже, от тоби небоже»; вот тебе небога, небоже; у этого слова много значений: бедняк, убогий, нищий, калека, юродивый, несчастный, о ком соболезнают, близкий, родич, племян; эта пословица отвечает нашей: «Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать». Пословица: «Не у детей или не при детях, не на детях, и сидни в честь» говорится различно и переиначивается от непонятия: кому Бог детей не дал или у кого они мрут младенцами (у кого дети не стоят), то рад бы и сидню, и безногому, калеке; на безлюдье и сидни в честь: ведь и Илья Муромец был сидень. Не поняв этого и отнеся честь, почет к слову дети, чем пословицу и лишили смысла, поправили дело, обратив сидни в седни, в старца с сединою, и сделав из этого: «Не у детей и седни в чести», то есть взрослый, разумный человек уважает стариков.

Таким образом, одно слово нередко придает пословице иной смысл, и если вы слышали ее на один лад, а я на другой, то из этого еще не следует, что вы ее слышали правее, а и того менее, чтобы я сам ее переделал. Возьмем пример такого рода, где не только мы с вами, но и еще двое собеседников говорят одну и ту же пословицу, каждый на свой лад, и все четверо будут правы: «Старую собаку не волком звать» – за то, что она устарела, не годна более, не считать ее за волка, не обходиться, как с врагом; «Попову собаку не волком звать» – как ни надоед поп жадностию и прижимками своими, да не глядеть же на собаку его, как на волка, она ни в чем не виновата; «Старую собаку не батькой звать», не отцом – ответ на требование уважать старика не по заслугам; стар пес, да не отцом же его за это почитать; «Попову собаку не батькой звать» ответ на требование уважения к людям случайным; что ни толкуй об уважении к батьке, к попу, да пес его не батька; в этом виде пословица часто применяется к любимцам барским, из дворни. Таких примеров можно бы привести много: которое из четырех разноречий этих ни выбрать, все можно сказать: нет, она не так говорится!

Замечу здесь, что старинные списки и сборники пословиц далеко не всегда могут служить образцами и нисколько не доказывают, чтобы пословица была в ходу от слова до слова, как она написана. Старики мудровали в этом деле не хуже нашего, желая поправить пословицу, придать ей письменный вид, и, как само собою разумеется, впадали через это в пошлость. Примеров этому очень много. В Погодинск. сборн. 1714 года читаем мы: «Будучи на чужой стороне, надобно голову уклонну, а сердце покорно иметь». Не очевидно ли тут умничанье и переделка? Поньше говорится: «Держи голову уклонну. (или поклонну), а сердце покорно»; если применить это к чужбине, то можно начать словами: на чужбине, на чужой стороне, не изменяя затем ни слова; здесь же все остальное прибавлено записчиком, особенно слова: будучи, надобно, иметь.

В Архивном. сборн. XVII века: «Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ невдолге» или, как поправлено у Снегирева: «невдалече»; неужели это пословица, поговорка или что-нибудь на то похожее? В Архивном же: «Денег нет на полати преть»; эта и поньше в ходу и говорится о пьянице, который сидит смирно дома, даже прячется, коли пить не на что; но вместо преть надо читать прет «Как денег нет, так на полати прет», то есть лезет и лежит смирно. Там же, пословица: «У старого душа не вынута, а у молодого не запечатана» – переиначена не к. лучшему: «До смерти, у живых, у старых, душа не вынута, а у молодых не запечатана».

В Погодинском 1770 г.: «Ково седина украшает, тово больше бес уловляет»; неужто это могло быть ходячею пословицей? Это сочинение собирателя, на образец: «Седина в бороду, а бес в ребро».

В сборн. Янькова 1744г.: «Кумища, сватища – простишься, хватишься»; это уже ни на что не похоже; пусть бы кто понял эту чепуху, в которой из четырех слов нет ни одного верного,

а потому и нет никакого смысла. Очевидно, это искажение пословицы, живущей и донныне в народе: «Кумишься, сватаешься – проспишься, спохватишься». Таких примеров можно бы набрать очень много; привожу их в доказательство, что во все времена бывали бестолковые переписчики и даже собиратели, которые умничали, и что, ссылаясь на старинные рукописи, не всегда можно исправлять новых собирателей.

Сборнику моему суждено было пройти много мытарств, задолго до печати (в 1853г.), и притом без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно. Но люди, и притом люди ученые по званию, признав издание сборника вредным, даже опасным, сочли долгом выставить и другие недостатки его, между прочим, такими словами: «Замечая и подслушивая говоры (?) народные, г. Даль, видно, не скоро их записывал, а вносил после, как мог припомнить; оттого у него редкая (?) пословица так записана, как она говорится в народе. Большая часть (?) их замечены так, как следующие: у него написано: Эту беду я бобами разведу, а пословица гласит так: Чужую беду бобами разведу, а к своей ума не приберу».

Но у меня были обе пословицы, только каждая на своем месте, потому что смысл их не один и тот же; да вместо приберу у меня написано приложу, что я и поныне считаю верным. Эту беду я бобами или на бобах разведу; беда не велика, влезет в ворота, отворожиться или отделаться можно. «Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу» – совсем другое; это значит: чужое горе с хлебом съем, чужая болячка в боку не киснет, а своя болячка велик желвак и пр.

Далее: «У него написано: Суд Бог волю свою, а пословица гласит: Твори Бог волю свою». Что последняя говорится, в этом нет спору, и если ее у меня не было, то можно было указать на пропуск; но первая также говорится. «Суди Бог волю свою» – значит, что более судить ее некому, не нам ее пересуживать, а должно ей без ропота покориться; или, приняв судить, по старинному значению, за присуждать, творить суд, – суди Бог волю свою значит: твори, присуждай по воле своей.

Всего, в доказательство, что редкая пословица у меня верно записана и что большая часть их замечены ошибочно, праведные судьи мои приводят три примера, то есть по одному на каждые десять тысяч, и третий самый замечательный: «Та же неверность и в сборе (?) прибауток и пустоговорок; приведу в пример одну: у него написано: Не для чего, чего иного, как прочего такого, эта пустоговорка в народе выражается (почему же не гласит?) так: Не для чего иного, как лишь для прочего такого; а если лучше чего, так больше ничего; вот только и всего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.